

Ерофей Трофимов

КАЗАЧИЙ СПАС

Казачий спас
Казачья кровь

Москва

Казачий спас

Огромный косматый волчара глухо рыкнул, и глаза его сверкнули алым пламенем, словно угольки угасающего костра. Юлдуз еле слышно ахнула и попыталась отступить, но, запнувшись о корень старого карагача, рухнула на спину так, что дыхание перехватило. Девушка сжалась в комочек, ожидая, что сейчас безжалостные клыки вонзятся в ее незащищенную плоть, но ничего не происходило. Только озорной ветерок с гор шумел листвой старого дерева.

Юлдуз не знала, сколько пролежала так, ни жива ни мертва, но когда первые лучи солнца коснулись древесных крон, страх ушел, словно растворился. Девушка сделала глубокий вздох и, поднявшись на подрагивающие ноги, медленно огляделась. Ей, шестнадцатилетней сироте, вот уже два года приходилось заботиться о себе самой. Родители умерли от черной оспы, а родственники побоялись пускать в дом девочку, выжившую вопреки всем предсказаниям стариков.

Вспомнив про привязанную на поляне рядом козу и ночную встречу с волком, Юлдуз охнула и, подобрав длинную юбку, кинулась спасать свою кормилицу. Выбежав на поляну, девушка с облегчением разглядела белую шерстку козы и, улыбнувшись, шагнула к крошечному ручью, умыться и промочить пересохшее от страха горло. Но едва только девушка сделала пару глотков ледяной воды, как в кустах послышался треск, и на поляну вывалился громадный полуголый мужчина.

Не обращая на испуганно замершую девчонку и ее козу внимания, мужчина, шатаясь, подошел к воде и, буквально рухнув в русло ручья, со стоном опустил лицо в воду. Только теперь Юлдуз поняла, что он был ранен. Вода в ручье окрасилась розовым. Сама не понимая, что делает, Юлдуз шагнула к мужчине и, опустившись на колени, присмотрелась. Не-

сколько широких, рубленых ран на его плечах вдруг перестали кровить и начали затягиваться буквально на глазах.

Подняв из воды голову, мужчина, постанывая, перевернулся на спину и снова погрузил лицо в воду. Юлдуз смотрела и не понимала, что происходит. Все раны, покрывавшие грудь и лицо этого странного человека, затягивались. Как такое могло быть?! Ведь такое подвластно только Всевышнему или проклятому! Ну, или в крайнем случае колдуну. Но все колдуны это последователи проклятого. Это все знают. Как знают и то, что они не переносят солнечного света. А тут...

Юлдуз окончательно запуталась. Мужчина вдруг открыл глаза и медленно сел. Потом, развернувшись, он встал на колени и, зачерпнув горстью воду, напился. Запрокинув голову, он подставил лицо солнечным лучам и улыбнулся, словно радуясь нарождающемуся дню. Вспомнив, что вода в ручье такая холодная, что зубы сводит, Юлдуз невольно вздрогнула и поежилась, представив, что сейчас чувствует этот странный человек. Тот, словно услышав ее мысли, нашел девушку взглядом, и она в очередной раз вздрогнула. Прямо ей в глаза был направлен взгляд странного, медового цвета глаз.

— Не бойся, девочка. Я не воюю с женщинами, — улыбнулся мужчина.

Голос его звучал хрипло, а слова черкесского языка он выговаривал хоть и правильно, но со странным, жестким акцентом.

— Ты колдун? — решившись, спросила Юлдуз.

— Я казак, девочка. Характерник. Сотник, Григорий Серко. А тебя как зовут?

— Юлдуз.

— Звездочка, значит, — кивнул казак. — А что, похоже. Особенно когда улыбаешься. Сразу сиять начинаешь, как звездочка.

Юлдуз растерялась. Такие слова ей говорил только покойный отец. Вспомнив родителей, девушка разом погрузилась и опустила голову.

— Что с тобой? — насторожился казак.

— Родителей вспомнила.

— А где они?
— Умерли. Оспа, — коротко ответила Юлдуз.
— Так ты сирота? — осторожно уточнил казак.
— Да.
— Понятно. А коза чья?
— Моя. Кормилица. Это все, что осталось после оспы, — чуть слышно всхлипнула Юлдуз.
— Выходит, в ауле тебя никто не ждет?
— Нет, — тряхнула девушка черными как смоль косами.
— Тогда забирай свою кормилицу и пошли, — решительноскомандовал казак, поднимаясь на ноги.

Только теперь Юлдуз поняла, что незнакомец высок ростом, широкоплеч и мускулист. Поджарое тело было телом воина, а шрамы, усеявшие его торс, прибавляли ему суровой привлекательности.

— Куда пошли? — растерялась Юлдуз.
— В станицу. Женой моей будешь, — коротко пояснил казак и, взяв девушку за руку, легко вздернул ее на ноги.
— Но ведь ты христианин, — пролепетала девушка.
— И что? Ты сирота. Значит, можешь сама за себя решить, принимать веру мужа или нет. А мне в доме хозяйка нужна. Не бойся. Ваши черкешенки уже не раз за казаков замуж выходили. Особенно полонянки. Среди наших женок и турчанки есть, и татарки, и все в церкву ходят. Так что никого мы не удивим. А если тебе легче будет, считай, что я тебя в полон взял, — улыбнулся Григорий, и Юлдуз робко улыбнулась в ответ, растерянно кивнув.

Спорить с этим странным казаком она не решилась. Ведь помнила, как молила Всевышнего послать ей защитника. Мужа, что станет ей опорой и отцом ее детей, хоть и понимала, что никто из соплеменников не позарится на сироту, все приданое которой можно унести в крошечном узелке. Отвязав козу, она покорно последовала за ним, передав свою судьбу в руки Всевышнего.

* * *

Князь Воронцов-Ухтомский оглянулся через плечо и, спрятав улыбку в тонких, аккуратно подстриженных усах,

с довольным видом откинулся на спинку сиденья. Два улана из сотни стражи, любезно предоставленные ему в охрану, глотали пыль, поднятую его автомобилем. Детище господина Бенца резво катило в предгорья, увозя князя и его семью на пикник.

Направляясь в Эссентуки, на воды, он и предположить не мог, что в этом благословенном, курортном краю могут кипеть такие страсти. Все началось с того, что ему прямо на вокзале сообщили о пронесшейся по этим краям эпидемии брюшного тифа, выкосившего почти треть населения. В Екатеринодаре генерал-губернатор, которого князь был вынужден почтить своим присутствием, чтобы засвидетельствовать почтение к властям, кривясь, вздыхая и поминутно утирая лицо большим клетчатый платком, поведал о появившихся в предгорьях бандах абреков.

Но, не желая портить отдых столь значительной особе, генерал-губернатор тут же выписал князю грозную бумагу, в которой приказывал всем чиновникам и военным властям оказывать князю всевозможную помощь. Понимая, что на большее рассчитывать нельзя, князь вернулся в гостиницу и на следующий же день отправился дальше. Посетить местные воды ему настоятельно рекомендовал его личный врач.

С годами здоровье князя слегка пошатнулось. Сказались и бесконечные попойки с сослуживцами во время службы в гвардии, и старые раны, полученные на службе императору. Уйдя в отставку и занявшись семейным делом, князь вдруг понял, что хлеб заводчика далеко не так легок, как этого можно было ожидать. Увлечение техникой оказалось одновременно и прибыльным, и весьма затратным в плане личных сил.

Что ни говори, но бюрократия в империи оказалась очень косной и весьма охочей до мзды, если не сказать крепче. Иногда, разговаривая с очередным чиновником, князю хотелось достать револьвер и всадить пулю в его деревянный лоб. Словно сговорившись, все эти чинуши старательно затягивали любое дело, иногда доводя князя до белого каления. И только упоминание о том, что князь Воронцов-Ухтомский имеет личное право входа к императору для приватной беседы, спасало мздоимцев от немедленной расправы.

Оказаться в особых списках, отслеживаемых лично императором, было не просто опасно. Человек, чье имя оказалось на подобной бумаге, редко заканчивал свои дни дома. Их домом становилась каторга. Мастерские по изготовлению и ремонту автомобильных частей стали известны по всей Москве и Санкт-Петербургу. Первый в империи автомобиль «Руссо-Балт», а также автомобили господина Бенца и фирмы «Рено» использовались в России все шире и требовали запасных частей.

Именно их изготовлением и занялся старший брат князя, Владимир. А после его гибели от простуды дело подхватил младший Николай. Владимир, всегда увлекавшийся техникой более, чем военной службой, начал свое дело с нуля и очень скоро добился хорошего результата. Контракт с министерством обороны на ремонт и обслуживание находящихся в войсках автомобилей быстро вывел его мастерские на уровень имперской безопасности. Величина, о которой любой поставщик двора его величества может только мечтать.

И вот теперь князь с семьей, оставив дела на директора и помощников, отправился поправлять здоровье. Вскоре к нему должна была присоединиться и сестра князя. Маленькую Зою обожала вся семья, что не могло не сказаться на характере несносной девчонки. Вертя всей мужской половиной семьи, как ей вздумается, Зоя сразу после окончания пансиона была выдана замуж. Спустя два года ее муж, жуир, бонвиван и транжира, умудрившийся спустить на свои развлечения все наследство и приданое жены, умер от похабной болезни.

Как выяснилось, Зоя не заразилась от него только потому, что как женщиной он ею вообще не интересовался. Заядлый содомит, он интересовался только юными мальчиками, от одного из которых и подцепил сифилис, сведший его в могилу. Став вдовой, Зоя быстро успокоилась, честно выдержав положенный срок траура. Но потом ее стало не удерживать. Открыв свой модный салон, Зоя стала одной из самых завидных невест в Москве.

Но теперь, будучи богатой и свободной, молодая вдова не спешила связать себя узами брака. Однако, прекрасно зная, чем увлекался ее покойный муж, высший свет сочувствовал

веселой вдове и снисходительно относился к ее эскападам. К тому же ее салон очень быстро стал буквально местом паломничества всей золотой молодежи. Здесь можно было завести полезное знакомство, поболтать о политике и делах и просто весело провести время. К тому же сводницы и мамы подросших девушек получили еще одну возможность присмотреться к потенциальным женихам.

Из раздумий князя вывел очередной дорожный ухаб. Авто тряхнуло так, что с Николая чуть не слетела шляпа, а скакавшая по всей машине младшая дочка едва не вывалилась на дорогу.

— Не дрова везешь! — вызверился князь, и провинившийся водитель испуганно вжал голову в плечи.

— Николая, успокойся. У нас по всей империи дороги такие, — с грустной улыбкой осадила мужа княгиня.

Только она, его ненаглядная Лиза, имела над князем такую власть. Одной улыбкой и ласковым словом она умела погасить вспышку его гнева любой силы. Водитель сбросил скорость, и автомобиль подкатил к опушке леса. Один из улан вырвался вперед, и машина покатила по его следам. Несколько поворотов, и водитель выжал тормоз, останавливая машину на живописной поляне, у берега ручья. Оглядевшись, Лиза восторженно ахнула и, обняв мужа, влепила ему страстный поцелуй, не обращая внимания на детей и прислугу.

Место и вправду было очень красивым. Изумрудные заросли, хрустальный ручей и ровная, словно подстриженная трава вокруг. Выбравшись из машины, князь с улыбкой потянулся и, жестом подозвав одного из улан, негромко командовал:

— Отдыхайте, ребята. Городничий боится, что такая поездка может оказаться опасной и нас могут ограбить. Но я в это не верю. По докладам в Петербурге, горцев давно уже замирили, а банды стараются держаться от городов подальше. Но раз уж вы тут, то присматривайте вокруг. Мало ли что. И не беспокойтесь. За службу отблагодарю.

— Премного вами довольны, ваше сиятельство, — дружно гаркнули уланы.

Чуть улыбнувшись, князь одобрительно кивнул и направился к берегу ручья, где лакей уже начал раскладывать корзины для пикника. Дочери князя, получив, наконец, свободу, с восторженным визгом носились по поляне, гоняя стрекоз и бабочек. Водитель, чуя свою вину, незаметной тенью перебрался к передку автомобиля и, подняв шторку моторного отсека, по пояс влез туда, делая вид, что что-то там проверяет.

Уланы, стреножив коней, перебрались в сторону, под кусты и, рассевшись на траве, заметно расслабились. Один даже скинул высокие кавалерийские сапоги и забросил портянки на куст, просохнуть. Князь, вспомнив собственное повеление им отдыхать, сделал вид, что не замечает такого вопиющего нарушения несения службы. Как-никак их отправили с ним для обеспечения безопасности княжеской семьи, но в нападение бандитов князь действительно не верил. Слишком близко был город и стоящие в нем войска, и слишком далеко горские аулы.

Спустя два часа, когда продукты были съедены, вино выпито, а все устали от впечатлений, князь велел собираться домой. Уланы, быстро свернув тряпицу, на которой была разложена их нехитрая снедь, обулись и принялись подтягивать подпруги своих коней. Водитель, захлопнув шторку моторного отсека, полез за руль, а лакей принялся ловко собирать грязную посуду. День прошел просто великолепно, а на вечер у раздумянившейся Лизы явно были далеко идущие планы.

Это князь понял по ее многозначительным взглядам и сверкающим глазам. А еще она очень нежно касалась его руки своей крошечной ладошкой. От всех этих едва заметных знаков у него на загривке шерсть вставала дыбом, словно у бойцового пса, а по жилам разливался жидкий огонь. Давненько с ним такого не было, а они женаты уже более десяти лет. Трое дочерей, а поди ж ты, кровь играет при одном взгляде на жену, как в юности.

Задумавшийся князь не сразу понял, что произошло. Из розовых грез его вырвал грохот, дикое ржание перепуганных лошадей и крик боли, издаваемый лакеем. Вздрогнув, князь вскочил на ноги, выхватывая из кармана прихваченный на всякий случай «бульдог». Пять выстрелов, но для хорошего

стрелка это совсем не мало. Пригнув жену к земле, князь быстро осмотрелся и похолодел.

Случилось именно то, во что он не хотел верить. На них напали. Оба улана были ранены и выбыли из боя. Лакей, очевидно, был легко ранен, потому как продолжал с воплями кататься по земле. Испуганные Лиза и девочки присели за автомобилем, пытаясь понять, что происходит. Водитель, не растерявшись, выхватил револьвер и принялся палить по кустам. Выругавшись, князь отступил к машине и в полный голос рявкнул, перекрывая грохот «смит-вессона»:

— Прекрати палить, болван! Только патроны даром производишь.

Словно в ответ на его слова из кустов раздался выстрел штуцера, и водитель, взыв, схватился за левую руку. Присев на корточки, он привалился к дверце машины и принялся лихорадочно перезаряжать оружие, зажав ствол револьвера между колен. Раздалось еще два выстрела, и на поляну выскочили четверо. Разглядев однозарядные штуцеры, князь незаметно перевел дух.

Перезарядить такое оружие быстро было невозможно, но у абреков князь увидел и несколько дульнозарядных пистолетов. Оружие старое, но от этого не менее убойное. Особенно если держащие его руки не кривые. А таковые в горах долго не живут. Спрятавшись за машиной, князь старательно прицелился и спустил курок. Шедший с краю абрек вскрикнул и повалился на траву. Оставшиеся трое дружно выстрелили в ответ, разрядив сразу три пистолета. Осталось еще три, и пара пистолетов у лежащего.

Оставной офицер произвел эти подсчеты автоматически, выцеливая следующего противника. Но оставшаяся троица не собиралась изображать из себя мишени. Убедившись, что добыча оказалась с зубами, они ловко рассыпались в стороны и начали обходить машину. Скрипнув зубами, князь повернулся к семье и, сделав жене страшные глаза, приказал:

— Лезьте под машину и не высовывайтесь.

Больше всего сейчас он хотел спасти семью. Даже ценой собственной жизни.

— Эй, урус! — раздалось вдруг. — Брось пистолет и выходи. Жив будешь. И женщина твоя жить будет. И дети. Семья деньги заплатит, и отпустим. Будешь стрелять, убьем тебя. А потом и жену твою и твоих дочерей молодым воинам отдадим.

Князь скрипнул зубами и, высунувшись из-за машины, выстрелил на голос. В ответ тоже выстрелили. Тяжелая круглая пуля пробила борт автомобиля и с визгом ушла в рикошет. Сумевший, наконец, зарядить свой револьвер водитель приподнялся и выпустил две пули через кузов машины.

— В последний раз говорю, не трать патроны попусту, — зашипел князь.

— Так а что делать-то, ваше сиятельство. Вон они, басурмане, уже близко совсем. Я рассмотреть успел, когда вскакивал, — горячечно зашептал водитель.

— Вот и смотри, когда подберутся и вставать начнут. Ползком в атаку не ходят. К тому же это не солдаты, а бандиты. Им долго на пузе ползать гонор не позволит. Вот как начнут подниматься, тогда и пали.

Кивнув, водитель быстро переполз к переднему бамперу и, привстав на колено, принялся водить стволом револьвера из стороны в сторону.

— Не трус, но как боевая единица полный ноль, — скривился про себя князь, переламывая свой револьвер.

Пока абреки подбирались к машине, нужно было успеть перезарядить оружие. Но едва только он успел вложить в камору один патрон, как буквально в десяти шагах от машины в полный рост поднялась фигура одного из нападавших и с отчаянным ревом кинулась в атаку, размахивая кинжалом.

«Лежа перезаряжать побоялись или не умеют», — мелькнула мысль, и князь одним движением соединил ствольную раму с рукоятью. Но взвести курок он не успел. Налетевший словно ураган бандит взмахнул кинжалом, целя ему в горло. Упав на бок, князь откатился в сторону, пытаясь выиграть расстояние и время, чтобы привести оружие к бою. Но абрек продолжал насаждать. Катаясь по траве, князь пытался ногой ударить противника в колено, чтобы или заставить отступить,